

УДК 81'37

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-59-68

ДОСТУП К ЕДИНИЦАМ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПРИ СПОНТАННОМ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИИ

Екатерина Сергеевна Худякова**к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. khudiakova.es@gmail.com

SPIN-код: 9692-4489

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2529-301X>

ResearcherID: I-5075-2018

*Статья поступила в редакцию 29.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Худякова Е. С. Доступ к единицам мультилингвального ментального лексикона при спонтанном текстопорождении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-59-68

Please cite this article in English as:

Khudyakova E. S. Dostup k edinitsam mul'tilingval'nogo mental'nogo leksikona pri spontannom tekstoporozhdenii [Access to Units of Multilingual Mental Lexicon in Spontaneous Texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-59-68 (In Russ.)

Автором поставлена проблема выявления и типологии внутриязыковых и экстралингвистических факторов ошибки доступа к слову, что в итоге связано с исследованием связей единиц мультилингвального лексикона. Целью статьи стало рассмотрение ошибок доступа к слову при мультилингвизме в процессе порождения спонтанного текста на близкородственном языке (чешском при родном русском). Материалом исследования послужили спонтанные монологи от русских студентов-мультилингвов. С применением методов семантического, дистрибутивного и формально-структурного анализа получена типология ошибок доступа (в терминах лексического трансфера) с их частотными характеристиками. Показано, что наиболее частотные типы ошибок доступа – это межъязыковой трансфер морфем, вставка русского слова и внутриязыковой трансфер морфем, что опровергает мнение западных лингвистов о преобладании ложных друзей переводчика среди явлений трансфера при близкородственном билингвизме. К экстралингвистическим факторам ошибок доступа отнесены родство языков, реципиент-дизайн и дефицит времени. Таким образом доказано, что условия спонтанного производства текста приводят к увеличению ошибок доступа к слову, обусловленных опорой на коммуникативную ситуацию – «нулевого доступа» и обращения за помощью к адресату. В целом доказано, что набор классов ошибок и частота их реализации в речи являются специфичными для конкретной пары близкородственных языков и условий их использования. Обнаружен частотный внутриязыковой трансфер морфем (внутри чешского), а также отбор по леммам одной лексемы и производство единицы онлайн, что, по-видимому, связано с богатством деривационных и реляционных ресурсов исследуемой пары славянских близкородственных языков. Данный вывод опровергает последовательную модульную концепцию производства речи.

Ключевые слова: мультилингвизм; ментальный лексикон; доступ к лексической информации; межъязыковой / внутриязыковой трансфер; лексические коммуникативные стратегии; близкородственный билингвизм.

Исследование ментального лексикона – одна из актуальных лингвистических проблем, связанная с объяснением процессов восприятия и продуцирования речи. В случае если текст производится на иностранном языке, возникают проблемы доступа к единицам билингвального (или мультилингвального) лексикона.

Наиболее широко **проблему** можно сформулировать как попытку определения связей единиц языка **1** и языка **2** (**3**, **4**) в мультилингвальном лексиконе; конкретнее – выяснение факторов, обуславливающих доступ (или ошибку доступа) к единице языка **2** (**3**, **4**).

На активацию единиц родного или иностранного языка оказывает влияние широкий ряд факторов (см.: [Jarvis, Pavlenko 2008]), поэтому **задачами** исследования стали:

1) обнаружение сбоев доступа к единицам иностранного языка при спонтанном порождении текста;

2) описание характера сбоев, связанных с самим статусом единицы (ее фонетическими и орфографическими, семантическими, грамматическими свойствами), их типология и частотное распределение;

3) установление роли экстралингвистических факторов, обуславливающих сбой доступа к слову при мультилингвизме с близкородственной парой языков;

4) определение (если возможно) контекстных факторов неактивации (или неполной активации единицы иностранного языка), поскольку принцип распространения активации ментального лексикона (далее – МЛ) предполагает контекстное «включение» наиболее сильных слотов;

5) на основе анализа сбоев в доступе к единице МЛ сделать вывод об организации МЛ мультилингва.

Понятия и термины. В данном исследовании в качестве рабочего используем определение Т. И. Доценко и Ю. Е. Лещенко, согласно которому «ментальный лексикон – когнитивное образование, представляющее собой ассоциативно-вербальную сеть дистрибутивного типа связей между единицами. <...> Функционирование сети ментального лексикона основано на принципе распространения активации: активирование одного из узлов сети влечет за собой автоматическую и мгновенную активацию всего объема информации (собственно языковой, когнитивной, прагматической, вероятностной), связанной со словом» [Доценко, Лещенко 2013: 372].

Набор признаков, обеспечивающих доступ к единице МЛ при порождении и восприятии речи, достаточно широк: «ментальный лексикон обеспечивает мост между формой и семантикой. При этом фонология, орфография, синтаксис, аргу-

ментная структура, морфология и лексическая семантика – все проявляется во входах МЛ»¹ [Schreuder, Weltens 1993: 4].

Помимо указанных выше признаков, по мнению И. А. Секериной, «поиск слова в ментальном лексиконе зависит не только от этих внутренних характеристик слова, но и от внешних характеристик, таких, как частота слова и влияние контекста» [Секерина 2002: 236]. Е. В. Глазанова, рассматривая только идентификацию слова, делает вывод: «В целом на время идентификации слов влияет смысловая близость, ассоциативная связанность, возможность обращения к образу в памяти, совместная встречаемость, а также некоторые формальные характеристики прайма и стимула (частотность, длина, место ударения). Ни один из перечисленных признаков не является ведущим или единственным, важно только их влияние в совокупности» [Глазанова 2001: 14].

Таким образом, МЛ связан с процессами распознавания и понимания слова (поиском единицы при восприятии речи, в западной традиции – идентификацией слова (word recognition)) и доступом к слову при порождении речи (в западной традиции – активацией слова (word activation или lexical access)) [Корниевская 2012: 10].

В данном исследовании рассматривается второй процесс – поиск слова при порождении речи. «Доступ к слову – лексическое кодирование в широком смысле есть воплощение мысли в вербальную форму. Под доступом к слову в работе понимаются процессы извлечения слов из ментального лексикона. Лексический выбор – это решение о том, какую лексическую единицу и на каком языке выбрать, чтобы при этом она соответствовала замыслу высказывания» [там же].

Доступ к слову может исследоваться как при моно-, так и при мультилингвизме.

Существует две основные концепции активации единиц в билингвальном МЛ. Согласно первой понятие связано двусторонними связями с единицей языка **1** и языка **2** [Kroll 1993: 66]. Аннет де Гроот называет эту точку зрения понятийно-опосредованной, которая предполагает, «что конкретные лексемы образуют однозначные соответствия понятие – два имени» [Groot 1993: 38]. В целом данная концепция схожа с принятой в советской и российской лингвистике классификацией типов билингвизма, а именно с координативным типом билингвизма.

Вторая концепция организации единиц в билингвальном лексиконе может быть названа лексико-опосредованной. Она предполагает, что единица языка **2** активируется через лексему **1** (которая и связана с понятием) [Kroll 1993: 66]. Эта концепция совпадает с определением субор-

динативного типа билингвизма. Джудит Кролл является сторонником смешанной теории, согласно которой перевод с родного языка на иностранный включает понятийную обработку, а перевод с иностранного на родной не должен быть чувствителен к семантике [Kroll 1993: 70], движение от языка 2 к родному должно включать обработку собственно лексических, языковых факторов (фонетическое сходство, частота, грамматические признаки лексем и т. п.). Перефразируем для наших условий: при переводе с русского на чешский сбоек должно быть меньше, при этом при переводе с чешского на русский должно быть меньше сбоек при работе с близкими по форме, но отличающимися по семантике единицами.

Эту точку зрения поддерживает П. Экке, изучающий феномен «на кончике языка». Исследователь отмечает, что лексический поиск в изучаемом языке чаще включает фонологические признаки, а в родном – семантические [Ecke 2009: 198].

Рассмотрим более подробно признаки, влияющие на активацию лексемы.

Основные связи единиц (и способы их активации) в МЛ следующие: фонетический облик (в основном принимается, что это начальные слоги слова), когнитивная информация (отражаемая категория), семантическая информация (связи между единицами, в том числе родовидовые), субъективная частота единицы [Jarvis, Pavlenko 2008]. Скотт Джарвис добавляет также фактор грамматического класса, коллокаций и синтаксических ассоциаций [Jarvis 2009: 100]. С. И. Корниевская полагает, что «при устном продуцировании речи на Я 2 в ситуации учебного двуязычия в лексической конкуренции могут участвовать синонимы, антонимы, симилары и оппозицы (термины А. А. Залевской) целевого слова, а также слова, связанные с целевым словом по формальным (графически и/или фонологическим) признакам или по комбинации семантических и формальных признаков на обоих языках билингва» [Корниевская 2012: 4]. Вопрос о способе хранения данных параметров в МЛ решается исследователями по-разному: У. Левельт [Levelt 1989] и Н. Пулисс [Poullisse 1993: 177–178] убеждены, что все эти признаки представляют собой отдельные блоки, С. Джарвис – что они «работают» параллельно [Jarvis 2009: 110].

Рассматривая сбои в поиске слова в билингвальном МЛ на «поверхности» текста, используют понятие лексического трансфера – «влияния, которое знание одного языка оказывает на распознавание, интерпретацию, обработку, оценку и реализацию слов в другом языке» [ibid.: 99], при этом различают лексемный трансфер (реали-

зацию фонетической формы и конкретной семантики единицы из языка 1) и лемматический трансфер (перенос семантических компонентов и грамматических признаков единицы одного языка на другую) [ibid.: 102]. К лексемному трансферу относятся следующие «ошибки»: ложные когнаты (в отечественной традиции – ложные друзья переводчика), использование слова из языка 1 (переключение кода), создание новых слов из компонентов двух языков [ibid.: 108]. Причем С. Джарвис указывает, что при близкородственном билингвизме самая частотная ошибка – ложные друзья переводчика [ibid.]. К ошибкам, связанным с лемматическим трансфером, относятся расширение семантики слова, кальки, трансфер коллокаций и субкатегориальный трансфер (ошибки, связанные с ложным заполнением синтаксических узлов) [ibid.].

Данная классификация не отвечает задачам настоящего исследования, во-первых, потому, что ложные когнаты в близкородственных славянских языках могут быть связанными этимологически (а значит, и семантически), и будет осуществляться трансфер не только формы, но и значения, т. е. речь идет уже о лемматическом трансфере. Во-вторых, для флективных языков (а чешский и русский относятся к ним) в зависимости от трансфера морфемы мы будем оказываться или в лексемном трансфере (если морфема деривационная), или лемматическом (если морфема реляционная). В-третьих, субкатегориальный трансфер будем относить к грамматическому, а не к лексическому трансферу, а трансфер коллокаций на практике сложно отличить от калькирования идиоматики (различия – в степени «связанности» единиц). В-четвертых, выбор единицы из другого языка явно отличается от перечисленных «сдвигов» в форме или семантике связанных единиц 1 и 2. Наконец, на «поверхности» текста можно обнаружить также отсутствие отклика вообще (длительную паузу хезитации и незаполненную синтаксическую позицию), что также говорит о сбое доступа к слову в МЛ.

Рассматривая экстралингвистические факторы сбоек в доступе к единицам билингвального лексикона, выделяют факторы родства языков (активация единиц из другого близкородственного языка вероятнее), условия использования языков (чем чаще использование языка, тем вероятнее трансфер единиц из него), недавнее использование (трансфер из недавно активированного языка более частотен), фактор родного / неродного языка при мультилингвизме (из неродного трансфер вероятнее) [ibid.: 110]. С. И. Корниевская вводит фактор «индивидуальных особенностей информантов» [Корниевская 2012: 4],

действие которого можно проверить только лонгитюдными исследованиями с корпусами текстов одних и тех же информантов. Н. Пулисс добавляет также фактор типа задания (при описании изображения или подборе слова по его дефиниции происходят одни сбои, при спонтанном текстопорождении – другие) [Poulisse 1993: 165]. В нашем исследовании проверяется фактор родства языков, фактор родного / неродного языка, активности использования (английский у всех информантов активен в связи с профилем обучения).

Психолингвистическое исследование производства речи билингвами предполагает применение термина «лексические коммуникативные стратегии», т. е. это «стратегии, используемые для разрешения проблем, связанных с неадекватным знанием лексикона второго языка» [Poulisse 1993: 157].

К. Фэрч и Г. Каспер вводят следующую классификацию стратегий: формальная редукция (фонологическая, морфологическая, синтаксическая, лексическая), функциональная редукция (избегание темы, ограничение сообщения, изменение коммуникативной цели при обнаружении проблем), межъязыковая компенсация (переключение кодов, внутриязыковой трансфер (форейнизация), буквальный перевод, межъязыковой трансфер) и внутриязыковая компенсация (генерализация, парафраз, сращение слов, реструктуризация (выбор из тематически связанной группы)). Отдельно рассматриваются кооперативные стратегии (обращение за помощью к адресату) и нелингвистические стратегии (использование невербальных кодов) [Færch, Kasper 1984].

С. И. Корниевская в своем исследовании основывается на данной классификации и описывает две основные группы стратегий при доступе к слову и лексическом выборе: стратегию ухода от лексического поиска (стратегию редуцирования), которая подразделяется на стратегии обобщения, стратегии частичного опущения деталей и стратегии полного опущения деталей; и стратегию осуществления лексического поиска (стратегию достижения цели), делящуюся: 1) на стратегии прерывания (без изменения или с изменением изначального плана речи), 2) стратегии переключения кода, 3) стратегии буквального перевода, 4) стратегии аппроксимации, 5) стратегии поиска с опорой на графическую / звуковую форму слова, 6) стратегии извлечения из памяти, 7) стратегии описания, 8) стратегии поиска синонимов / симиляров [Корниевская 2012: 4].

Э. Келлерман отличает концептуальные стратегии, подразделяемые на аналитические (перечисление свойств объекта) и холистические (называние связанных концептов, напр., *овощи*

вм. *бобы*), и лингвистические, которые, в свою очередь, делятся на морфемные (использование морфем другого языка для создания несуществующих слов) и собственно трансфер [Kellerman 1991]. Данная концепция, как видим, основана на теории концептуально-опосредованного представления единиц билингвального МЛ и блоковости размещения лингвистической информации. Наши данные [Худякова: в печати] опровергают концептуально-опосредованную концепцию.

Материал исследования – 10 спонтанных текстов на тему «О себе» на чешском языке, полученных от филологов-мультилингвов, родной язык для которых – русский. Английским языком информанты владеют на продвинутом уровне, чешским на уровне В1, немецким – на начальном (языки приведены в последовательности изучения). Среди информантов есть также мультилингв, владеющий испанским (после английского) на продвинутом уровне. Общее время звучания текстов 48 минут. Тексты записывались на диктофон, а затем расшифровывались по методике, используемой на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ: отмечаются фразовые и синтагменные границы, расшифровка отражает сегментные единицы речи, соответствующие различным самоперебивам, недоговоренным частям слов, а также фонациям, сопровождающим hesitant явления. Последние передаются с помощью наиболее подходящих по звучанию графем. Невербальные реакции информантов, такие как смех, вздохи, фиксируются в круглых скобках [Русская спонтанная речь коми-пермяков 2014: 20–23].

Методы исследования. Методы предварительной обработки материала включали семантический анализ (для выявления лексических ошибок), дистрибутивный, слуховой и инструментальный (в программе для обработки и анализа звукового сигнала Speech Analyzer [<https://software.sil.org/speech-analyzer/>]) анализ (для определения единиц на языке, отличном от чешского, и пауз hesitant, маркирующих речевые сбои). Методы анализа материала включали дистрибутивный анализ для определения контекстных факторов неактивации иноязычной лексемы, семантический анализ и формально-структурный для исследования не-слов. Элементы статистического анализа применялись для установления частотных типов сбоев доступа.

Анализ материала. Первым этапом анализа было выявление типов трансфера и согласно результатам выяснение экстралингвистических факторов ошибок доступа к слову. Каждая ошибка относилась только к одной группе, далее рассматривалась совместная встречаемость оши-

бок в ближайших контекстах. Результаты сведены в таблицу с указанием абсолютных частот встречаемости.

Типы ошибок доступа к слову и их частота Types of Word Access Errors and their Frequency

Тип ошибки доступа	Частота, абс.
Межъязыковой трансфер морфем	23
Вставка русского слова	20
Внутриязыковой трансфер морфем (чешский)	16
Обращение к помощи адресата	12
Нулевой доступ (незаполненная позиция)	9
Ложный друг переводчика	7
Расширение семантики	3
Вставка испанского слова	3
Вставка английского слова	2
Калька из родного языка	2
Трансфер русской фонетической формы	2

Как видно из таблицы, наиболее частотные типы ошибок доступа – это межъязыковой трансфер морфем, вставка русского слова и внутриязыковой трансфер морфем, что опровергает мнение С. Джарвиса о преобладании ложных друзей переводчика среди явлений трансфера при близкородственном билингвизме. Повидимому, спонтанные условия производства текста делают фактор времени более значимым: студенты активно вставляют русские слова (20 случаев), что часто связано с диалогизацией, обращением за помощью к адресату (12 случаев); кроме того, временной фактор является причиной нулевого доступа (9 случаев). Спонтанное текстопорождение вообще не предусматривает реализации так называемых «когнитивных стратегий» (описательной стратегии или подбора среди семантически связанных слов). Далее, как видим, экстралингвистический фактор активности языка играет незначительную роль: заимствований из активных английского и испанского всего 5, при этом из близкородственного русского – в 4 раза больше. К экстралингвистическим факторам поведения при ошибке доступа отнесем тип адресата: активное привлечение диалогизации, обращение к помощи адресата связано с тем, что экспериментатор, владеющий двумя языками – русским и чешским, был знаком информантам.

Рассмотрим подробнее каждый тип явлений.

Самый частотный тип ошибок доступа – межъязыковой трансфер морфем. К. де Бот и Р. Шредер так же, как и Н. Пулисс, считают, что лексема и морфосинтаксический компонент находятся в разных блоках формализатора [Bot, Schreuder 1993: 205], что приводит к выбору смешанных корня и морфем из Л1 и Л2, и мор-

фосинтаксис, по их мнению, планируется раньше лексикализации. Таким образом, они полагают, что при активированном втором языке нормальная реализация корня иностранного языка (заполняется позже при ошибке активации) и служебных морфем родного языка, но не обратная ситуация [Poullisse 1993: 177]. Нами было обнаружено 13 случаев, отвечающих их схеме (корень чешский + русские морфемы, например, *za hranicu*² «за границу», *překladyvat* «переводить», *pracuje* «работает»). Среди этих 13 – 2 случая с переключением кодов внутри лексемы (*jazyk...-ov* «языков»), 3 случая заполнения чешскими морфемами русской словообразовательной модели (*slouchat* ср. *слушать*, *končení*, ср. *окончание* и *конец*, *v budouci*, ср. *в будущем*). Важно подчеркнуть при этом, что обнаружено 7 случаев реализации русской корневой морфемы и чешской – реляционной (*razné (jazyky)* «разные (языки)», *rodni (jazyk)* «родной (язык)», *češský* «чешский», *poesii* «поэзию» – винит. пад.), что опровергает мнение о последовательном заполнении морфосинтаксиса и затем – лексики.

Вставка русского слова встретилась 20 раз, причем 14 из них изолированно. Некоторые из неактивированных чешских единиц являются малочастотными, напр.: *v budoucnosti bude svazana s cizími jazyky // A... / dnes... / a... / mám examen... / z... / z... / a... / examen //* «В будущем будет связана с иностранными языками. А сегодня у меня экзамен по... экзамен»; *Bydlím v svůj domi na prospektě Dekabristov* «Живу в собственном доме на проспекте Декабристов»; *Ono nemá infrastrukturu* «У него нет инфраструктуры»; *Můj otec pracuje jako businessman* «Мой отец работает бизнесменом». Значительные сложности у студентов вызывали приставочные глаголы: *Chtěla bych zakončit univerzitu, a pojechat zahraničí* «Хотела бы закончить университет и поехать за границу». Подобное явление (с активированной чешской фонетической формой) можно объяснить конкуренцией с однокоренными (но с иными морфемами) чешскими единицами, ср., *skončit* «закончить» и *pojet* «поехать», что подтверждает наш вывод о конкуренции единиц не на уровне лексем, а на уровне деривационных морфем.

Вставка русского слова связана со стратегией помощи со стороны адресата: 6 случаев из 20 реализованы после вопросов экспериментатору, т. е. активированный русский язык способствовал полной активации и русской лексемы, напр., *Máte «У нас есть» не знаю, как переводится нефть; Не знаю как будет посёлок. Můžu malovat «Могу рисовать» а как краски? // (шепотом) в смысле виды разные / виды // Я как раз не знаю / масляными.*

Логично далее рассмотреть случаи диалогизации (их 12). Помимо указанных прямых вопросов экспериментатору, в одном случае использованы невербальные средства обращения к помощи: *Chtěla bych съездить?* «Я бы хотела съездить?» (интонация вопроса только на русской лексеме, мимические средства просьбы о подтверждении). В двух случаях участники исследования обращаются к коммуниканту на чешском языке: *nemam jak mluvit... каскад прудов* «не знаю, как говорить каскад прудов», *Máte ještě otázky?* «У вас есть еще вопросы?». В трех случаях обращение к адресату является реакцией на его вопрос на чешском языке, уточняющей понимание вопроса или указывающей на невозможность распознать слово: *Сколько жителей? ramatu...? [nějaké pamětihodnosti]* «какие-то достопримечательности» (смех) *что это? Zaměstnání?* «Работа?» *А что это значит?* Таким образом, в момент производства текста активными являются 2 языка и метаязыковая деятельность осуществляется на родном: в случае ошибки распознавания активизируется родной язык.

Третье место по частоте встречаемости (16 случаев) – у специфического явления, не зафиксированного в литературе по активации иноязычного слова, – внутриязыкового трансфера морфем (чешского). Данные ошибки являются результатом работы только внутри чешскоязычного лексикона и сверхобобщения правил чешского языка. Часть ошибок связана с освоением словообразовательных ресурсов чешского языка (продуктивных) и производством лексем онлайн: *Němečtina* (вм. исключения *němčítina* «немецкий язык»), *Čínsko* «Китай» (по аналогии с *Německo*, *Španělsko*, *Turecko* и под.), *odpočuju* (*odpočovat* вм. *odpočívat* «отдыхать» – интересно, что здесь смешались именно суффиксы инфинитивов *ova* и *iva*, а затем по продуктивной модели была произведена регулярная форма). Следует обратить внимание на паузу хезитации на стыке морфем: *Má mamí...čka* (вм. *tatinka*) «Моя мамо...чка». Наконец, очевидно, что леммы хранятся целым кустом с присущими им грамматическими формами и иногда выбирается существующая, но не подходящая данной грамматической форме единица: *jedenáčka* (вм. *Jedináček* «единственный ребенок»), образовано от *jeden*), *čest* (вм. *Číst* «читать», образовано от *čít*), *pat... pět* «пять» (от *pátý*). В последнем примере информант активировал неверную форму леммы, а затем выбрал верную.

Из анализа данной группы можно сделать ряд выводов. При близкородственном билингвизме значительно раньше, чем при неблизкородственным, устанавливаются лемматические связи

внутри самого иноязычного лексикона. Говорить о последовательном производстве (сначала морфосинтаксические позиции, затем леммы) нельзя: сами леммы производятся онлайн в процессе порождения речи. В лексиконе синтетических языков, особенно при системном обучении грамматике, хранятся сразу все формы одной леммы как куст (и при успешном доступе к «кусту» может избираться неверная форма). Наконец, хранятся и корневые, и деривационные морфемы, и отдельно по регулярным правилам порождения производятся лексемы. Для близкородственных языков можно предположить связи не только лексемы и лексемы, но и морфемы и морфемы (и производство единиц в процессе текстопорождения), при этом наш анализ опровергает мнение о последовательности кодирования морфосинтаксиса и лексики.

Нулевой доступ зафиксирован в 9 случаях. Один случай характеризуется сбоем грамматической программы – в лексиконе отсутствует единица, отвечающая грамматическим признакам узла: *Těším se na... že to bude bohatý a hezký měsíc* «Надеюсь на... что это будет богатый и прекрасный месяц» (требуется существительное, но информант только описательно смог передать смысл). Близки этому явлению 3 случая ошибки доступа, обусловленные контролем за выполнением кодирования. В первом примере реализована неверная форма глагола, что привело к сбою программы и последующему исправлению: *Vybrala / proto že* (пауза) // *Vybrala jsem proto že / líbí se mi cizí jazyky...* «Выбрала, потому что... Я выбрала, потому что мне нравятся иностранные языки». Во втором примере после ошибки лексического доступа (реализации русской лексемы) информант пытается заполнить ту же позицию, но уже нулем: *jeho obrazy jsou moc neobvyčny* // *oni moc...* (пауза) // *Oni ta* (пауза 1 мин.) (вздых) «его картины очень необычны. Они очень... В них есть...». В 5 случаях информанты избирают редуционистскую стратегию – просто не завершают высказывание при затруднениях в активации лексемы, что подтверждается знаком прерывания («все») и невербальным компенсаторным средством (смехом): *Já jsem...* (пауза 1 мин.) «Я являюсь...»; *vařím jídlo / nebo a... / čtu / a... / knihy...* (пауза 46 сек.) «готовлю еду или а... читаю а... книги»; *Byla jsem České Republice / v Praze* (пауза) // *to je všechno* // *V Praze to je všechno* // «Я была в Чешской Республике, в Праге. Это все. В Праге это все»; *studovat cizí jazyky a komunikovat s lidí / čest literaturu (a...) / všechno* // «изучать иностранные языки и общаться с людьми, читать литературу. Все»; *Libí se mi knihy / ruské a anglický knihy* / (пауза) (смех) «Мне нравятся книги, русские и

английские книги». Данные примеры можно интерпретировать двумя способами: как ошибку лексического доступа и как затруднения в планировании программы текста (по У. Левельту, это еще блок концептуализатора [Levelt 1989: 9–10]), поскольку далее наблюдается нарушение глобальной связности текста, фокус внимания перемещается (от путешествий – к друзьям).

В 7 случаях встречается вставка ложного когната, по С. Джарвису, самое частотное явление в близкородственном лексиконе. Собственно ложных друзей переводчика использовано 5 (из них 4 – форма *druhý* (чеш. «второй») в значении «другой, иной»), 2 других примера – скорее коллокационное явление – использование прилагательного *bohatý* (*měsíc*) «богатый» в переносном значении, свойственном только русскому языку, и *družná* (*rodina*) – дословный перевод русской коллокации «дружная семья» (ср. чешское *družný* – «общительный»).

Этим явлениям близки две кальки «прилагательное + jazyk» (вместо использования деривационного аффикса). Вероятно (особенно для постоянной активации у разных информантов лексемы *druhý*), частота русской лексемы активировала русскую форму. В остальных примерах продемонстрирован не собственно доступ к слоту МЛ, а производство единиц по моделям, перенесенным из родного языка.

Причиной расширения семантики чешских единиц (3 случая: *skončila* (*univerzitu*) «закончила университет»; *neznám* «не знаю»; *znám* «знаю») считаем явление, которое А. Павленко назвала «неосвоенностью понятия» [Pavlenko 2009: 150]: в русском языке для абстрактной характеристики окончания дела и для обозначения завершения обучения в вузе существует одно имя «закончить» (понятия «окончание вуза» нет), а в чешском есть 2 понятия и, соответственно, два имени (*skončit* и *absolvovat*); при такой ситуации учебный билингв реализует понятие родного языка и, соответственно, выбирает имя-когнат русскоязычного. Подобная ситуация наблюдается с понятиями «знания» – визуально-практического (*znát*) и теоретического (*vědet*), – понятно, что информанты избирают имя-когнат русского «знать».

Вставок из более активно изучаемых языков в наших примерах оказалось неожиданно мало (всего 5), причем для английского активировалась только фонетическая форма, но не признаки лексемы (активированы вполне чешские): *Univerzité* и *monumenty*. У одного информанта наблюдается собственно переключение кода на испанский (*v stressu situaci* «в стрессовой ситуации») и в двух случаях использование неполнозначной лексемы, поддержанной сходством

форм чешского и испанского языков (ср. самоисправление *Mi... má život je dobře* «Моя жизнь – хорошо»). Как видим, экстралингвистический фактор активности языка мультилингва оказывается незначительным в случае наличия в лексиконе близкородственного языка.

Нам встретилось всего 2 случая переноса русской фонетической формы *Jeuropi* и *z jiných měst...měst* «из других городов», связанных с активацией неверной формы когнатов. Количество таких переносов, по-видимому, обусловлено путем движения по лексикону от родного – к иностранному (при котором фонетический принцип играет меньшую роль, чем при обратном движении). Однако данное предположение необходимо проверять.

Выводы. Среди экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на ошибку лексического доступа к лексикону мультилингва, на первом месте находится родство языков, далее – реципиент-дизайн (знание о собеседнике и доступных ему языках) и дефицит времени («нули» доступа). Фактор активности языков на нашем материале показал значительно меньший вес.

Тип и ранги по частоте встречаемости ошибок лексического доступа должны проверяться на конкретных парах генетически и типологически охарактеризованных языков. Наш материал обнаружил иное распределение рангов, чем было показано С. Джарвисом для родственных английского и шведского языков. Формирование внутренних связей в иноязычном близкородственном лексиконе происходит, вероятно, раньше, чем в неблизкородственном, что подтверждается наличием в материале незафиксированного ранее в исследованиях лексического трансфера явления внутриязыкового (чешского) трансфера (ср. с данными Т. И. Доценко и Ю. Е. Лещенко для начального и продвинутого уровня русско-английского билингвизма).

Наш анализ опровергает модульную (последовательную) концепцию кодирования лингвистической информации при производстве речи. Более того, единицы билингвального лексикона могут состоять как из связанных лемм одной лексемы (и отбор при активации происходит сначала к кусту, а затем к единицам внутри куста), так и из деривационных морфем, которые активируются вместе с корневыми по правилам производства слова.

Не претендуя на полноту описания, отметим, что среди контекстных факторов неактивации иноязычных единиц наш анализ показал предшествующую активацию родного языка, сбой при заполнении глубинно-синтаксической позиции и, возможно, более ранний сбой программы текста («не о чем больше сказать»).

Примечания

¹ Здесь и далее перевод осуществлен автором статьи.

² Перевод чешских примеров, осуществленный автором статьи, не отражает лексико-грамматические ошибки оригинала.

Список литературы

Глазанова Е. В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 27 с.

Доценко Т. И., Леценко Ю. Е. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва // Труды СПИИРАН. 2013. Вып. 2(25). С. 371–384.

Корниевская С. И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 19 с.

Секекина И. А. Психолингвистика (Морфологическая организация и ментальный лексикон) // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секекиной. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 231–260.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: национальные традиции: звучащая хрестоматия / кол. авт.; науч. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 112 с.

Худякова Е. С. Факторы активации единиц ментального лексикона при близкородственном билингвизме // Филологические заметки (в печати).

Bot K. de, Schreuder R. Word Production and the Bilingual Lexicon // The Bilingual Lexicon / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / Studies in Bilingualism (SIBIL) / ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 191–214.

Ecke P. The Tip-of-the-Tongue Phenomenon as a Window on (Bilingual) Lexical Retrieval // The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches / ed. Aneta Pavlenko / Bilingual Education & Bilingualism. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009. P. 185–208.

Færch C., Kasper G. Two Ways of Defining Communication Strategies // Language Learning. 1984. 34(1). P. 45–63.

Groot A. M. B. de. Word-Type Effects in Bilingual Processing Tasks: Support for a Mixed-Representational System // The Bilingual Lexicon / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / Studies in Bilingualism (SIBIL) / ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 27–52.

Jarvis S. Lexical Transfer // The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches / ed. Aneta Pavlenko / Bilingual Education & Bilingualism. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009. P. 99–124.

Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. N. Y., London: Routledge, 2008. 287 p.

Kellerman E. Compensatory Strategies in a Second Language: a Critique, a Revision, and Some (Non-) Implications for the Classroom // Foreign / Second Language Pedagogy Research / ed. by R. Phillipson, E. Kellerman, L. Selinker, M. Sharwood Smith and M. Swain. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. P. 142–161.

Kroll J. F. Accessing Conceptual Representations for Words in a Second Language // The Bilingual Lexicon / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / Studies in Bilingualism (SIBIL) / ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 53–82.

Levelt W. J. M. Speaking: From Intention to Articulation. Cambridge, MA: Bradford Books/MIT press, 1989. xvii+566 p.

Pavlenko A. Conceptual Representation in the Bilingual Lexicon and Second Language Vocabulary Learning // The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches / ed. Aneta Pavlenko / Bilingual Education & Bilingualism. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009. P. 125–160.

Poulish N. A Theoretical Account of Lexical Communication Strategies // The Bilingual Lexicon / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / Studies in Bilingualism (SIBIL) / ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 157–190.

Schreuder R., Weltens B. The Bilingual Lexicon: An Overview // The Bilingual Lexicon / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / Studies in Bilingualism (SIBIL) / ed. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 1–10.

References

Glazanova E. V. *Tipy svyazey v mental'nom leksikone i eksperimental'nye metody ikh issledovaniya*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Types of connections in the mental lexicon and experimental methods of their study. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 27 p. (In Russ.)

Dotsenko T. I., Leshchenko Yu. E. Universal'nye struktury i ikhfunktsii v mental'nom leksikone bilingva [Universal structures and their functions in bilingual mental lexicon]. *Trudy SPIIRAN* [SPIIRAS Proceedings], 2013, issue 2 (25), pp. 371–384. (In Russ.)

- Kornievskaya S. I. *Dostup k slovu pri ustnom produtsirovanii rechi na inostrannom yazyke v situatsii uchebnogo dvuyazychiya*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Word access in oral production of speech in a foreign language in the situation of educational bilingualism. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2012. 19 p. (In Russ.)
- Sekerina I. A. *Psikholingvistika (Morfologicheskaya organizatsiya i mental'nyy leksikon)* [Psycholinguistics (Morphological organization and mental lexicon)]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki. Sbornik obzorov* [Fundamental Trends of Modern American Linguistics. Collection of reviews]. Ed. by A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 231–260. (In Russ.)
- Russkaya spontannaya rech' komi-permyakov: natsional'nye traditsii: zvuchashchaya khrestomatiya* [Russian spontaneous speech of the Komi-Permyaks: national traditions: sounding reader]. Ed. by T. I. Erofeeva. Perm, Perm State University Press, 2014. 112 p. (In Russ.)
- Khudyakova E. S. *Faktory aktivatsii edinits mental'nogo leksikona pri blizkorodstvennom bilingvisme* [Factors of activating units of mental lexicon in closely related bilingualism]. *Filologicheskie zametki* [Philological Studies] (in print). (In Russ.)
- Bot K. de, Schreuder R. *Word Production and the Bilingual Lexicon*. *The Bilingual Lexicon*. Ed. by Robert Schreuder and Bert Weltens. Studies in Bilingualism (SIBIL). Ed. by Kees de Bot & Thom Huebner. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993, vol. 6, pp. 191–214. (In Eng.)
- Ecke P. *The Tip-of-the-Tongue Phenomenon as a Window on (Bilingual) Lexical Retrieval*. *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches*. Ed. by Aneta Pavlenko. Bilingual Education & Bilingualism. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters, 2009, pp. 185–208. (In Eng.)
- Faerch C., Kasper G. *Two Ways of Defining Communication Strategies*. *Language Learning*, 1984, 34 (1), pp. 45–63. (In Eng.)
- Groot A. M. B. de. *Word-Type Effects in Bilingual Processing Tasks: Support for a Mixed-Representational System*. *The Bilingual Lexicon*. Ed. by Robert Schreuder and Bert Weltens. Studies in Bilingualism (SIBIL). Ed. by Kees de Bot & Thom Huebner. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993, vol. 6, pp. 27–52. (In Eng.)
- Jarvis S. *Lexical Transfer*. *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches*. Ed. by Aneta Pavlenko. Bilingual Education & Bilingualism. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters, 2009, pp. 99–124. (In Eng.)
- Jarvis S., Pavlenko A. *Crosslinguistic Influence in Language and Cognition*. NY, London, Routledge, 2008, 287 p. (In Eng.)
- Kellerman E. *Compensatory Strategies in a Second Language: a Critique, a Revision, and Some (Non-) Implications for the Classroom*. *Foreign/Second Language Pedagogy Research*. Ed. by R. Phillipson, E. Kellerman, L. Selinker, M. Sharwood Smith and M. Swain. Clevedon, Multilingual Matters, 1991, pp. 142–161. (In Eng.)
- Kroll J. F. *Accessing Conceptual Representations for Words in a Second Language*. *The Bilingual Lexicon*. Ed. by Robert Schreuder and Bert Weltens. Studies in Bilingualism (SIBIL). Ed. by Kees de Bot & Thom Huebner. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993, vol. 6, pp. 53–82. (In Eng.)
- Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, MA, Bradford Books/MIT press, 1989, xvii+566 p. (In Eng.)
- Pavlenko A. *Conceptual Representation in the Bilingual Lexicon and Second Language Vocabulary Learning*. *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches*. Ed. by Aneta Pavlenko. Bilingual Education & Bilingualism. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters, 2009, pp. 125–160. (In Eng.)
- Poullisse N. *A Theoretical Account of Lexical Communication Strategies*. *The Bilingual Lexicon*. Ed. by Robert Schreuder and Bert Weltens. Studies in Bilingualism (SIBIL). Ed. by Kees de Bot & Thom Huebner. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993, vol. 6, pp. 157–190. (In Eng.)
- Schreuder R., Weltens B. *The Bilingual Lexicon: An Overview*. *The Bilingual Lexicon*. Ed. by Robert Schreuder and Bert Weltens. Studies in Bilingualism (SIBIL). Ed. by Kees de Bot & Thom Huebner. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993, vol. 6, pp. 1–10. (In Eng.)

ACCESS TO UNITS OF MULTILINGUAL MENTAL LEXICON IN SPONTANEOUS TEXTS

Ekaterina S. Khudyakova

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. khudiakova.es@gmail.com

SPIN-code: 9692-4489

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2529-301X>

ResearcherID: I-5075-2018

Submitted 29.05.2018

The article poses a problem of identification and typology of intra-linguistic and extralinguistic factors of lexical access error, which is on the whole connected with the study of relations between multilingual lexicon units. The purpose of the article is to consider the word access errors in case of multilingualism in the process of generating a spontaneous text in a closely related language (in Czech, with Russian as the native language). The material for the research are spontaneous monologues produced by Russian multilingual students. Using the methods of semantic, distributive and formal-structural analysis, the typology of access errors (in terms of lexical transfer) with their frequency characteristics is obtained. It is shown that the most frequent types of access errors are interlingual transfer of morphemes, insertion of a Russian word and intralingual transfer of morphemes, which refutes the opinion of Western linguists about the prevalence of the translator's false friends among transfer phenomena in closely related bilingualism. The extralinguistic factors of access errors are related to language kinship, recipient design and lack of time. Thus, it is proved that the conditions of spontaneous production of text lead to an increase in the number of some types of access errors – 'zero access' and recourse to the addressee. The research proves that the set of error classes and the frequency of their implementation in speech are specific for a particular pair of closely related languages and the conditions for their use. The frequency intra-linguistic transfer of morphemes (within the Czech language), as well as selection by lemmas of the same lexeme and an online production of a unit are found. These phenomena are obviously connected with the richness of the derivational and relational resources of the pair of closely related Slavic languages. This conclusion refutes the consistent modular concept of speech production, which was put forward on the basis of the English language.

Key words: multilingualism; mental lexicon; lexical access; lexical transfer; lexical communication strategies; closely related bilingualism.